

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Зорин Василий Сергеевич

**ФИДУЦИАРНАЯ ПЕРЕДАЧА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ КАК СПОСОБ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

Специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата юридических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель – **Громов Андрей Андреевич**,
кандидат юридических наук

Официальные оппоненты – **Емелькина Ирина Александровна**,
доктор юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
юридический факультет им. М.М. Сперанского,
кафедра гражданского права и процесса,
заведующая кафедрой;
– **Комаров Александр Сергеевич**,
доктор юридических наук, профессор, ФГБНУ
«Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации», кафедра международного частного права, профессор;
– **Кондратьев Владимир Александрович**,
кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия», кафедра предпринимательского и корпоративного права, заместитель
заведующего кафедрой.

Защита диссертации состоится «18» декабря 2024 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.051.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: Москва, Ленинские горы, д.1, стр.13-14, 4-й учебный корпус, Юридический факультет, ауд.536а.

E-mail: dissovet@law.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3240>.

Автореферат разослан «__» ноября 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор юридических наук, доцент

Н.В. Щербак

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Привлечение денежных средств для финансирования экономической деятельности субъектов гражданско-правового оборота на сегодняшний день является весьма обыденным. Данное явление обуславливается тем, что Конституцией Российской Федерации были провозглашены признание частной собственности и свобода экономической деятельности¹. На фоне таких изменений экономика страны стала свидетелем увеличения числа сделок, требующих надежного обеспечения их выполнения, что вывело вопросы обеспечения исполнения обязательств на передний план юридической науки и практики. Важность эффективных механизмов обеспечения исполнения обязательств неоспорима, так как они играют ключевую роль в поддержании доверия участников экономического оборота, снижении рисков неисполнения и повышении общей правовой и экономической стабильности. Потребность привлечения инвестиций для экономической деятельности, особенно в период стагнации или даже спада в экономике, волатильности национальной валюты, когда банковские учреждения готовы к кредитованию только под сверхвысокие проценты, в настоящее время конечно же актуальна. В этом контексте обеспечение исполнения обязательств выступает как один из основных инструментов управления рисками, позволяя субъектам экономического оборота минимизировать потенциальные убытки и обеспечивать надежность взаимоотношений. При этом следует иметь в виду, что инвесторы безусловно не будут предоставлять помощь, рискуя потерять вложенные денежные средства или хотя бы омертвить их без эффективного инструмента, гарантирующего надежные способы возврата вложений и получения соответствующей маржи. Кредитор, предоставляя денежную сумму должнику, стремится обезопасить себя от недобросовестного поведения последнего, используя те или иные способы обеспечения исполнения

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 05.02.2014) // Собр. законодательства РФ. - 2014. N 9. Ст. 851.

обязательства. Ст. 329 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), провозглашая принцип свободы договора в сфере обеспечения исполнения обязательств, перечисляет их в конструкции нормы, характеризующийся в качестве открытого перечня, которые стороны могут использовать для этих целей. ГК РФ не закрепляет какие-либо рамки для непоименованных конструкций, ограничивая их лишь императивными нормами законодательства (п. 1 ст. 422 ГК РФ). В контексте развития гражданско-правовых отношений и увеличения объемов экономической деятельности способы обеспечения исполнения обязательств приобретают особую значимость. Они не только служат гарантией для кредитора в получении должного по обязательствам, но и стимулируют должника к исполнению своих обязанностей. Кроме того, наличие четко определенных и правильно выбранных механизмов обеспечения может снижать стоимость кредита, увеличивать доступность финансовых ресурсов для экономической деятельности, тем самым способствуя развитию предпринимательства.

Степень разработанности темы. Проблематика передачи права собственности другому лицу с целью обеспечения исполнения обязательств не является новой. Отдельные аспекты рассматриваемых обеспечительных механизмов поднимались в работах дореволюционных цивилистов, например, Ю.С. Гамбарова², Л.А. Кассо³, И.А. Покровского⁴, В.М. Хвостова⁵, но данные способы обеспечения не являлись предметом специального исследования.

В советский период истории нашего государства, учитывая особенности политического строя и отсутствие рыночной экономики в тот временной период, тематика обеспечительной передачи права собственности не разрабатывалась. Однако, некоторые упоминания категории фидуциарных сделок (к которым, как показано в настоящей работе, относится

² Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Том I. Часть общая. СПб, 1911. С. 734.

³ Кассо Л. Понятие о залоге в современном праве: Юрьев. тип. К. Маттисена, 1898. С. 281.

⁴ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2020. С. 213.

⁵ Хвостов В.М. Система римского права. М.: Издательство Юрайт, 2024. С. 160.

рассматриваемые обеспечительные механизмы), можно найти, в том числе в работах М.М. Агаркова, Д.М. Генкина⁶ и О.С. Иоффе⁷.

Исследования, посвященные как обеспечительной передаче субъективного права целом, так и отдельным способам обеспечения, входящим в данную группу, стали активно появляться в конце девяностых годов XX века в связи с развитием товарного оборота, стремлением участников оборота использовать наиболее удобные обеспечительные сделки, а также нормативным закреплением отдельных рассматриваемых конструкций в ГК РФ или иных федеральных законах. Среди авторов соответствующих работ можно указать следующих отечественных цивилистов: Р.С. Бевзенко⁸, С.А. Громов⁹, А.В. Егоров¹⁰, И.И. Зикун¹¹, А.О. Рыбалов¹², С.В. Сарбаш¹³, Е.Р. Усманова¹⁴.

Особое значение для теоретического исследования передачи права собственности как способа обеспечения исполнения обязательств имеют немецкие и испанские наработки цивилистов, которые могут быть использованы для достижения цели настоящей работы.

Проблематике обеспечительной передачи соответствующего права собственности, посвящен ряд диссертаций, защищенных в Российской Федерации¹⁵. Однако в настоящих работах не проводился анализ подходов, выдвинутых цивилистами стран романо-германской правовой семьи, в рамках

⁶ Гражданское право: Учебник Т.1 / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. 1944. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. С. 92

⁷ Иоффе О.С. Советское гражданское право М.: Юрид. лит., 1967. С. 268.

⁸ Бевзенко Р.С. Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции / СПб.: Legal Academy, 2022. - 556 с.

⁹ Громов С.А. Обеспечительная собственность: догматический очерк на примере лизинга // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. N 2. С. 51–114; N 3. С. 66–123; N 4. С. 46 - 91.

¹⁰ Егоров А.В., Усманова Е.Р. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. N 4. С. 56–127.

¹¹ Зикун И.И. Конструкция титульного обеспечения в гражданском праве: основные проблемы // Вестник гражданского права. 2016. № 2. С. 37–78.

¹² Иванова А.И., Рыбалов А.О. Фидуциарная собственность и классический залог // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. N 5. С. 108–129.

¹³ Сарбаш С.В. Обеспечительная купля-продажа в арбитражной практике // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 11. С. 100—103.

¹⁴ Усманова Е.Р. Современное понимание титульного обеспечения в российской и зарубежной практике // Об обеспечении обязательств: Сборник статей к юбилею С.В. Сарбаша. М., 2017. С. 462–524.

¹⁵ Усманова Е.Р. Титульное обеспечение гражданско-правовых обязательств: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.; Бевзенко Р.С. Вещное обеспечение: Залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции: Дис. ... док. юрид. наук. М., 2022.

которых правоведа старались объяснить сущность таких сделок, зародившихся в древнем римском праве, которые позже были восприняты европейскими правопорядками, и сформулировать наиболее адекватный правовой режим, который удовлетворял бы потребности гражданского оборота и соблюдал баланс интересов сторон.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные труды российских дореволюционных, советских и современных правоведов, а также работы иностранных ученых, в которых рассматривались различные аспекты сущности и содержания способов обеспечения исполнения обязательств, в рамках которых происходит передача субъективного гражданского права другому лицу, включая проблемы их регулирования.

К авторам соответствующих теоретических работ на русском языке относятся, в частности, М.М. Агарков, Ю.В. Байгушева, Р.С. Бевзенко, В.В. Безбах, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Ю.С. Гамбаров, Л.В. Гантовер, Д.М. Генкин, Б.М. Гонгало, Д.Д. Grimm, А.А. Громов, С.А. Громов, Д.В. Дождев, Г.Ф. Дормидонтов, А.В. Егоров, А.С. Звоницкий, И.И. Зикун, С.А. Зинченко, А.И. Иванова, О.С. Иоффе, А.Г. Карапетов, Л.А. Кассо, Н.И. Клейн, Е.А. Крашенинников, О.В. Ланина, Д.В. Ломакин, А.Л. Маковский, Д.И. Мейер, Л.А. Новоселова, К.П. Победоносцев, И.А. Покровский, Н.Ю. Рассказова, А.О. Рыбалов, О.Н. Садилов, С.В. Сарбаш, С.А. Сеницын, Е.Д. Суворов, Е.А. Суханов, Е.Р. Усманова, В.М. Хвостов, П.В. Хлюстов, Г.Ф. Шершеневич.

Среди иностранных правоведов следует выделить: W.W. Buckland, J.A. Bueno Delgado, M.R. de Berlanga, F. De Castro, H. Degenkolb, A. D'Ors, H. Dernburg, P. Lambrini, G.T. Martínez, N.M. Martorell, D. Medicus, E. Mayer, F. Regelsberger, L. Rostill, E.F.K. Rudorff, H.L.E. Verhagen, H. Weber, B. Windscheid.

Объектом настоящего исследования выступают отношения между субъектами частного права, использующими конструкции обеспечительной передачи права собственности.

Предмет данного исследования составляет догматическое содержание передачи права собственности, как способа обеспечения исполнения обязательств, доктрина, нормы российского и зарубежного позитивного права и правоприменительная практика.

Автором настоящего исследования были использованы общенаучные и частно-научные **методы** для изучения регулирования общественных отношений. В частности, среди методов были использованы: диалектический метод, анализ, синтез, исторический, логический, формально-юридический, историко-юридический, сравнительно-правовой и иные.

Целью диссертационного исследования является установление сущности обеспечительной передачи права собственности, а также формулирование общего подхода к правовому регулированию таких конструкций в отечественном праве, в рамках которого соблюдался бы баланс интересов сторон.

Для достижения вышеобозначенной цели были поставлены следующие **задачи диссертационного исследования:**

- установить характерные признаки конструкций, входящих в группу способов обеспечения, предполагающих передачу права собственности другому лицу;
- определить возможность или невозможность использования категории правового титула для описания рассматриваемых обеспечительных механизмов;
- определить место обеспечительной передачи права собственности в системе классификаций способов обеспечения исполнения обязательств;
- установить генезис обеспечительной передачи права собственности другому лицу;
- проанализировать подходы некоторых европейских правопорядков, к сущности сделок, предполагающих обеспечительную передачу права собственности, а также модели их регулирования;
- проанализировать подходы к регулированию отдельных

обеспечительных механизмов передачи субъективного гражданского права в современном российском праве.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в ней рассмотрен генезис и сущность конструкций передачи права собственности другому лицу с целью обеспечения исполнения обязательств в историческом и сравнительно-правовом аспекте с использованием источников римского права, немецкой, испанской, английской, итальянской и российской доктрины, проанализированы проблемы, связанные с данным способом обеспечения в России и некоторых зарубежных правовых порядках, предложен общий подход для регулирования данного механизма на территории Российской Федерации.

На основе проведенного исследования автором **на защиту** выносятся следующее:

1. Доказана некорректность использования категории правового титула для описания способов обеспечения, в рамках которых происходит передача права собственности или уступка права требования, и его несоответствие содержанию таких конструкций.

Обосновано, что предметом обеспечения в рамках рассматриваемых конструкций является субъективное гражданское право на соответствующее распоряжаемое благо, а не правовой титул на него.

2. Подтверждено, что фидуциарные сделки, в которых стороны намеренно используют правовой инструмент, предоставляющий больше, чем нужно для достижения выбранной ими цели, действительны, в отличие от симулятивных и фраздаторных сделок. В симулятивных сделках действие внешне направлено на достижение определенного правового эффекта, но без истинного намерения достичь его и с целью создать у других впечатление о фактическом его достижении. В фидуциарной сделке стороны стремятся достичь того правового результата, на который указывает внешняя форма сделки, но при условии, что фидуциарий будет использовать его только для определенных, а не для всех возможных целей. В фраздаторных и в

фидуциарных сделках волеизъявление сторон соответствует их внутренней воле, что отличает данные сделки от симулятивных, однако фидуциарные сделки преследуют законную цель и не нарушают законодательных предписаний.

3. Установлено, что классический подход (Ф. Регельсбергер) к пониманию фидуциарных сделок основывается на теории двойного эффекта и принципе абстрактности, которые подразумевают, что в рамках фидуциарного правоотношения осуществляется две сделки: 1) вещно-правовая, порождающая эффект для всех третьих лиц и оформляющая полный и окончательный переход от фидуцианта в пользу фидуциария соответствующего права; и 2) обязательственная, создающая эффект только для ее сторон, в силу которой кредитор налагает на себя некоторые ограничения по использованию полученного права.

Интеграция фидуциарных сделок, основанная на теории двойного эффекта, в каузальный правопорядок нецелесообразна. В Италии на сегодняшний день наиболее распространено понимание фидуциарных сделок близкое к германской конструкции *Treuhand*, а в испанской доктрине превалирует теория «*Titularidad fiduciaria*», которая стремится максимально соблюсти баланс интересов сторон, но при этом стирает границы между фидуциарными и симулятивными сделками.

Установлено, что появление и закрепление фидуциарных сделок в германском праве было вызвано определенными объективными причинами. В настоящее время консенсус среди научного сообщества Италии, Испании и России относительно сущности и содержания фидуциарных сделок не достигнут, что напрямую связано с отсутствием в этих правопорядках аналогичных (германскому) объективных причин.

4. Обосновано, что распространенный в современной российской литературе подход к определению фидуциарных сделок через критерий личной доверительности является некорректным из-за отсутствия системы измерения степени доверительности между сторонами правоотношения, в

связи с чем данный критерий приобретает субъективный характер, а ценность такой классификации теряется.

Доказано, что критерий несовпадения внешней формы и внутреннего содержания правоотношения, в рамках которого происходит передача субъективного права на соответствующее распоряжаемое благо от фидуцианта в пользу фидуциария, обладает признаками объективности и должен использоваться для определения фидуциарных сделок.

5. Продемонстрировано, что обеспечительная передача права собственности по общему правилу является действительной и не направлена на обход норм о залоге. Отечественный законодатель напрямую признает легальным использование данного механизма в виде возвратного лизинга, как альтернативу залоговым конструкциям, предусматривая для него отдельные специальные правила в случае банкротства любой из сторон такого правоотношения без обращения к правилам о залоге.

6. Обосновано, что для обеспечительной передачи права собственности, входящей в категорию фидуциарных сделок, необходимо общее правовое регулирование, включающее в себя: 1) возврат излишка, 2) переход прав обратно к фидуцианту, 3) уступку обеспеченного требования, 4) обращение взыскания на предмет обеспечения как кредиторами фидуцианта, так и фидуциария, 5) способ удовлетворения фидуциария за счет стоимости предмета обеспечения, 6) банкротство фидуцианта и фидуциария — без квалификации таких правоотношений в качестве залоговых. Для обозначенных аспектов могут быть использованы общие начала регулирования возвратного лизинга.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация выполнена на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Ее результаты были обсуждены и одобрены на заседаниях кафедры. По итогам исследования были подготовлены и опубликованы статьи по теме исследования в периодических изданиях.

Структура диссертационного исследования. Структура изложения обусловлена содержанием исследуемых автором проблем. Диссертация состоит из введения, трех глав (включающих в себя семь параграфов), заключения, и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении отражается актуальность темы диссертации и степень ее разработанности, определяется цель, задачи, объект, предмет, методология и методы исследования, обосновывается научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об апробации результатов исследования, указывается структура диссертации.

Первая глава **«Понятие и содержание обеспечительной передачи субъективного гражданского права»** включает в себя два параграфа.

В первом параграфе «Обеспечительная передача субъективного гражданского права и «титульное» обеспечение» исследуется генезис понятия титульного обеспечения, раскрывается содержание конструкций, относимых отечественной доктриной к титульным способам обеспечения, а также критикуется понятие «правового титула», которое закладывается в основу классификации рассматриваемых обеспечительных механизмов.

Автор указывает на то, что в современной отечественной юридической литературе часто упоминается титульное обеспечение, однако данное понятие не имеет своего легального определения в позитивном праве.

Под правовым титулом в отечественной доктрине принято понимать: 1) правовое основание, юридический факт, подтверждающий право на определенную вещь; 2) право «расщепленной» собственности, характерное для феодальных правоотношений, в рамках которых допускается существование нескольких различных прав собственности (правовых титулов) на одно и то же имущество.

Впервые использовать термин правовой титул для описания сущности некоторых способов обеспечения исполнения обязательств в российской правовой науке предложил С.В. Сарбаш в 1999 г. Смысл «титульных» способов обеспечения заключается в том, что 1) должник переносит на кредитора правовой титул на определенное имущество до тех пор, пока не исполнит взятое на себя обязательство; или же 2) кредитор удерживает за

собой правовой титул на определенное имущество до того момента, как должником не будет исполнено соответствующее обязательство.

Диссертант указывает, что использование категории правового титула в контексте определения отдельной группы обеспечительных способов является весьма условным и не позволяет адекватно отразить их юридические особенности. Анализ исследуемых обеспечительных механизмов показывает, что предметом обеспечения является соответствующее субъективное гражданское право. Используя такую категорию частного права, как «субъективное право» для описания обеспечительных механизмов, предполагающих передачу права собственности или уступку права требования, мы поднимаемся на несколько уровней абстракции в правопонимании, что позволяет охватить как категорию права собственности, так и категорию права требования. Передавая право собственности или уступая право требования, мы передаем соответствующее абсолютное субъективное право на соответствующую вещь или относительное субъективное право требовать определенных действий от обязанного лица, но никак не правовой титул на вещь или право требования.

Автор приходит к выводу, что категория субъективного гражданского права как одна из центральных категорий цивилистики, наиболее подходит для описания рассматриваемых обеспечительных способов, что позволит наиболее корректно отразить их сущность, а также избавиться от путаницы, возникающей при использовании понятия правового титула.

Во втором параграфе **«Обеспечительная передача права собственности в системе классификаций способов обеспечения исполнения обязательств»** анализируется место механизмов, предполагающих обеспечительную передачу права собственности в системе различных классификаций способов обеспечения. Отмечается, что рассматриваемые конструкции являются акцессорными, непоименованными в ст. 329 ГК РФ способами обеспечения, имеющими стимулирующую и защитную функции, которые непосредственно направлены на достижение

цели, обозначенной в обеспечиваемом обязательстве, т.е. являются некой альтернативой, благодаря которой обязательство будет исполнено.

Вторая глава **«Генезис и развитие фидуциарных обеспечительных сделок в некоторых европейских правовых порядках»** включает в себя два параграфа.

В первом параграфе **«Обеспечительная *fiducia* в римском праве»** исследуется древнеримская конструкция, именуемая *fiducia*, на основе которой была сформулирована категория фидуциарных сделок, включающая в себя обеспечительную передачу права собственности.

Учитывая ограниченное количество дошедших до нас памятников права, содержащих в себе информацию о римской *fiducia*, мы можем составить только общее представление о данной юридической категории, в связи с чем в современной юридической науке до сих пор остаются дискуссионными отдельные аспекты рассматриваемой римской юридической конструкции.

Среди научного сообщества отсутствует консенсус относительно того, приобретал ли фидуциарий полное и окончательное право собственности на *res fiduciaria*. Одни цивилисты указывают, что в рамках *fiducia* вещь передавалась фидуциарию в его полную и окончательную собственность. Также имеются исследования с противоположным мнением. Отмечается, что он не мог отчуждать вверенное ему имущество, если это ему не было явно разрешено, т.к. он приобретал ограниченное право собственности. Таким образом, утверждается, что фидуциарий обладал правом, имеющим ограниченную цель, которое по своей природе отличается от абсолютного права собственности, в связи с чем фидуциарий наделялся лишь отдельными правомочиями собственника

Диссертантом отмечается, что относительно соотношения *mancipatio* и *actum fiduciae* также существует несколько подходов. Первый подход исходит из того, что *fiducia* состояла из двух сделок (создавался так называемый «двойной эффект»): первой формальной процедуры (*mancipatio*), создающей вещный эффект и второй (*actum fiduciae*), создающей

обязательственные связи между сторонами (согласно данному подходу фидуциарий приобретал полное и окончательное право на вверенную ему вещь). Второй подход гласит, что внутри той же формулы *mancipatio*, использованной для создания *fiducia*, упоминается особенность причины – *fidi fiduciae causa mancipio accerit*, т.е. фидуциарный характер правовых отношений между должником и кредитором был правовым следствием самой *mancipatio*; и что вещь, переданная по фидуции, квалифицируется как залог («*cum creditore pignoris iure*»; «*rei sibi pignolatae*», «*creditor pignus suum*»). Согласно третьему подходу *mancipatio* и *actum fiduciae* составляют неразделимое единство из двух элементов, которое, как таковое, регулируется *fides*. В соответствии с этим *fides*, обязательство кредитора переманципировать является принудительным благодаря *actio fiduciae*, предоставленной должнику. Общий фидуциарный характер передачи права собственности выражен в самой *mancipatio*, в то время как *actum fiduciae* ясно указывает какова цель (обеспечение, хранение и т.д.) такой фидуциарной передачи.

Относительно продолжительности использования *fiducia* в римском праве существует две точки зрения. В первой утверждается, что *fiducia* была вытеснена из оборота более современными формами (*pignus* или *hypoteca*), которые обеспечивали больший баланс между правами кредитора и должника. Вторая точка зрения утверждает, что *fiducia* применялась наравне с *pignus* и *hypoteca* благодаря преимуществам, которые возникали у кредитора. Исчезновение *fiducia* можно связать только с моментом отказа правопорядка от первобытной формы *mancipatio* (а также *in iure cessio*), на которых и строилась *fiducia*.

Одним из немногочисленных источников права, содержащих в себе *actum fiduciae*, является бронзовая табличка, найденная в 1868 г., датируется I–II веком нашей эры – *Tabula Vaetica*. Благодаря *Tabula Vaetica* мы можем наглядно увидеть, как применялись нормы о *fiducia* участниками гражданского оборота на практике. Однако находка данной таблички также

породила ряд вопросов, относительно которых в научном сообществе так и не найдено консенсуса. Была ли данная табличка реальным контрактом, был ли это формуляр, вывешенный для всеобщего обозрения, или же это был реальный контракт, который адаптировали под типовую форму – до сих пор является дискуссионным. В то же время, безусловно, учитывая материал (бронза), на котором представлен данный исторический памятник, в качестве разового контракта без использования его для какой-либо общей цели – рассматривать невозможно. Также является спорным вопрос о том, имеет ли Tabula Vaetica полное содержание, либо же существовала как минимум вторая бронзовая табличка, в которой закреплялись иные положения, которые не нашли своего отражения в первой части.

В рамках второго параграфа **«Зарождение и развитие обеспечительной передачи субъективного гражданского права в Испании»** исследуется древняя конструкция *wadiatio*, которая позволила воздействовать на имущество должника, а не его личность, описывается теория фидуциарных сделок, выдвинутая немецкими учеными в XIX в., а также анализируется развитие данной теории в Италии и Испании.

Зарождение обеспечительной передачи права собственности в Испании напрямую связано с такой древней конструкцией, как *wadiatio*. До появления *wadiatio* древний испанский правопорядок не предоставлял кредитору никакого юридического механизма, позволяющего напрямую воздействовать на имущественную сферу должника с целью удовлетворения его требований, а неисполнение обязательства должником приводило к *la pérdida de la paz*¹⁶ и уничтожению либо конфискации его имущества в пользу государства, что не способствовало ни исполнению изначально взятого на себя обязательства, ни какому-либо эквивалентному предоставлению в пользу кредитора.

Предметом *wadiatio* являлись вещи, в том числе представляющие моральную ценность для должника, в связи с чем потеря их по причине

¹⁶ Должник, подверженный *la pérdida de la paz*, мог быть безнаказанно убит любым из жителей города, в котором он проживал.

неисполнения обеспечиваемого обязательства была для него крайне нежелательна. Фактическая стоимость вещи не всегда была соотносима с суммой долга.

Одним из значимых элементов была публичность. Изначально правопорядок требовал, чтобы *wadiatio* совершалось перед собранием рода¹⁷. С XIII в. необходимость родового собрания отпадает и требование публичности исполняется путем совершения *wadiatio* в присутствии нотариуса.

Для заключения *wadiatio* требовалась передача от должника кредитору некоего символа. Таковым могли выступать меч, трость или шляпа (т.е. какой-либо атрибут военного снаряжения того периода). Особенностью *wadiatio* являлось обязательное привлечение в рамках данного правоотношения третьего лица — гаранта. Символ, передаваемый от должника кредитору, не оставался во владении последнего: кредитор передавал его поручителю, выбранному должником. Получение символа поручителем означало, что последний уполномочен действовать от имени кредитора в случае, если должник нарушит взятые на себя обязательства. Соответственно, при нарушении обязательств должником кредитор предъявлял требование к поручителю, а поручитель, как лицо, наделенное символом, предъявлял требование к должнику.

Wadiatio стало юридическим институтом, позволившим правопорядку отойти от примитивного древневарварского регулирования, в силу которого дефолт должника влек его фактическую смерть, и тем самым гуманизировать правовое регулирование в целом, добиться справедливого экономического удовлетворения для кредитора.

Германское гражданское уложение, принятое в 1896 году, исходит из концепции посессорного залога. Данная концепция подвергалась критике, т.к. значительная часть участников гражданского оборота не могла себе позволить

¹⁷ В источниках не уточняется, должно ли это было быть собранием рода только должника или же должника и кредитора.

передать вещь во владение кредитору, в связи с чем, доступ к кредиту был ограничен. В связи с этим в Германии начали использовать схожий с залогом механизм, сутью которого являлось перенесение права собственности на вещь кредитору с условием опосредованного владения вещью должником. Особая потребность в изменении действующих механизмов способов обеспечения обязательств приходится на начало XX века и обусловлена сложной экономической ситуацией, сложившейся в связи с участием Германии в Первой мировой войне. Несмотря на высказывание идей о том, что такие конструкции направлены на обход норм залогового законодательства, судебная практика признала легальным использование подобных юридических конструкций.

Концепция фидуциарных сделок (*fiduziarisches Geschäft*), выдвинутая пандектистом Ф. Регельсбергером в XIX в., пыталась объяснить сущность таких сделок и легальность их применения. Согласно данной концепции, это такие сделки, в рамках которых стороны намеренно выбирают правовой инструмент, дающий больше, чем достаточно для достижения желаемой сторонами юридической цели (например, передача права собственности или уступка права требования для обеспечения кредита). В результате фидуциарной сделки фидуциарий становится собственником вещи или кредитором по соответствующему требованию, как если бы такая сделка была осуществлена для другой материальной цели. Фидуциарий получает права, которыми он не должен злоупотреблять в силу заключенной сделки. Такие фидуциарные сделки по мнению Ф. Регельсбергера являются законными и действительными, в отличие от симулятивных и фраздаторных сделок. В основу концепции фидуциарных сделок легла теория двойного эффекта, сформулированная на основе римской фидуции и манципации. Теория двойного эффекта исходит из того, что правоотношение такого рода состоит из двух разных независимых сделок, а именно: 1) вещной сделки, которая оформляет передачу от должника кредитору соответствующего права (неограниченного и окончательного), которая имеет характер *erga omnes*; и 2)

обязательственной сделки, действующей *inter partes*, в силу которой кредитор накладывал на себя некоторые ограничения по использованию полученного права, обязывавшие не препятствовать обратному выкупу у него должником данного субъективного права. Теория двойного эффекта была разработана на основе принципа автономии воли. Для того, чтобы данная теория была применимой, необходимо доказать, что стороны договора желали этой двойственности эффектов, а именно, что стороны выбрали куплю-продажу, вполне осознавая, что это выходит за рамки необходимой цели для достижения определенных предпочтений для кредитора, которые невозможно получить в рамках залоговых конструкций. Через некоторое время немецкое юридическое сообщество отказалось от теории двойного эффекта, так как такой подход не предполагал защиту фидуциария, если фидуциант, получив право на соответствующее благо от последнего, впадал в банкротство. В связи с этим, в фидуциарных сделках предлагалось видеть два вида правоотношений (внешнее и внутреннее). Первое правоотношение предполагало, что фидуциарий становится собственником переданной ему вещи или кредитором по уступленному долгу (для всех третьих лиц, но не для фидуцианта). Во втором правоотношении фидуциарий признавался доверенным лицом фидуцианта, который должен был действовать строго в рамках соглашения между ними, передача права не имела юридического эффекта, а имела значение согласованная цель такой сделки между ее сторонами. Такой подход предполагал, что переданное фидуциарию имущество все-таки остается в имущественной массе фидуцианта, у которого, в случае банкротства фидуциария, есть право на выделение такого имущества из конкурсной массы последнего. В случае банкротства фидуцианта, фидуциарий имел преимущественное право на удовлетворение своего требования из имущества, которое было ему передано по соответствующей фидуциарной сделке.

Благодаря большому авторитету немецких правоведов их идеи оказали большое влияние на ученых из других европейских стран.

Итальянский цивилист Ф. Феррара в начале XX в. пытался интегрировать концепцию фидуциарных сделок, основанную на теории двойного эффекта, в итальянское право. Его идеи не встретили единогласного одобрения, поскольку такой подход не вписывался в каузалистическую итальянскую систему. Учитывая критические замечания, сторонники теории двойного эффекта стали отстаивать идею о том, что вещная и обязательственная сделка являются взаимосвязанными и имеют единую каузу — *causa fiduciae*. Данный подход также встретил волну критики, что привело к появлению идей об отказе от теории двойного эффекта и применении конструкции, близкой по своему содержанию к одному из подходов к пониманию *Treuhand*.

Идеи пандектистов также оказали колоссальное влияние на испанскую юриспруденцию. Х. Гонсалес в 20-х годах XX в. при описании фидуциарных сделок предлагал разделять правовое положение фидуциария на два вида: 1) по отношению ко всем третьим лицам фидуциарий является окончательным собственником и вправе распоряжаться активом без каких-либо ограничений; и 2) по отношению к фидуцианту, т.е. во внутренних отношениях, статус фидуциария больше относится к категории мандатария. В 1940-х годах Х. К. Тобеньяс возвращается к идеям, предложенным Ф. Регельсбергером (теории двойного эффекта). Учитывая каузальный характер испанской правовой системы, теория двойного эффекта не встретила единодушного одобрения среди юридического сообщества. В середине 1960-х Ф. де Кастро предложил теорию под названием «*la teoría de la titularidad fiduciaria*», которая не предполагала переход субъективного гражданского права на соответствующее благо в пользу фидуциария. Фидуциарий наделяется «фидуциарным титулом», а фидуциант остаётся собственником вещи (или же кредитором по требованию). Данная теория стремится максимально соблюсти баланс интересов сторон, но при этом стирает границы между фидуциарными и симулятивными сделками. Ни один из вышеобозначенных подходов не смог

вытеснить другие концепции относительно сущности фидуциарных сделок, в связи с чем мы можем наблюдать их применение в судебной практике.

В диссертации высказывается предположение, что конструкции, выдвинутые немецкой цивилистикой, не нашли достаточно признания и не смогли закрепиться в Италии и Испании из-за того, что в данных правопорядках, в отличие от Германии, отсутствовали объективные причины для их появления и использования.

Третья глава **«Обеспечительная передача права собственности в российском правопорядке»** включает в себя три параграфа.

В первом параграфе **«Обеспечительная передача права собственности в древнерусском праве»** исследуется генезис и содержание конструкций, предполагающих обеспечительную передачу права собственности.

Неличные способы обеспечения обязательств в русском праве появляются достаточно поздно. Первые указы о залоге и его последствиях возникают в XVI веке. На сегодняшний день в отечественной науке отсутствует единое мнение относительно содержания залога того периода.

Ряд ученых исходит из того, что цивилистике того периода не был известен термин «право собственности» и вместо него использовался термин «владение». Фактически владение в тот период предполагало возможность осуществления всего содержания права собственности, что связано с низкой развитостью юридической науки в тот период и, как следствие, отсутствием должного правового сознания, как у законодателя и судей, так и у населения.

Второе мнение относительно содержания залоговых конструкций в отечественном праве гласит, что все-таки отечественная цивилистика рассматриваемого периода была на более продвинутом уровне развития, и делала различие между правом собственности и владением, а также признавала непосессорный залог и юридическую силу за ним.

Во втором параграфе **«Соотношение понятий фидуциарных правоотношений и фидуциарных сделок в отечественной науке»**

критикуется распространенный в современной российской литературе подход к определению фидуциарных сделок и правоотношений как имеющих лично-доверительный характер и обосновывается общепризнанное для зарубежной континентальной доктрины и хорошо известное отечественной дореволюционной и части советской литературы понятие фидуциарных правоотношений как основанных на сделках, в которых возникает несовпадение внешней формы правоотношения и его внутреннего содержания.

Многие современные отечественные правоведы, исследуя вопрос фидуциарных правоотношений и сделок, указывают, что их отличительной особенностью является наличие лично-доверительного характера отношений сторон. Большинство адептов такого подхода в подтверждение своих взглядов ссылается на идеи О.С. Иоффе.

В диссертации критикуется такой подход, указывается на то, что в рамках рассматриваемых сделок не совсем корректно говорить о наличии особого доверия между сторонами соответствующего правоотношения – как одном из конститутивных признаков фидуциарных сделок. Каких-либо «единиц измерения» доверия не существует, поэтому вывести формальный критерий, благодаря которому можно было бы сделать вывод, что в конкретном случае присутствует «особая» степень доверия между участниками соответствующих правоотношений – весьма затруднительно.

В работе установлено, что понятие фидуциарных правоотношений, как основанных на сделках, в которых возникает несовпадение внешней формы правоотношения и его внутреннего содержания, выдвинутое немецкой юридической мыслью, было известно дореволюционным отечественным правоведам и ряду советских цивилистов.

В исследовании указывается на некорректность ссылок на труды О.С. Иоффе для обоснования подхода об особом лично-доверительном характере отношений сторон фидуциарных сделок. О.С. Иоффе, описывая фидуциарные сделки, хотя и упоминал о наличии доверия между сторонами

такого правоотношения, но не выделял его в качестве конститутивного элемента. Советский цивилист указывал, что основным признаком фидуциарной сделки является несовпадение между внутренними отношениями участников сделки и их внешним выражением (такой подход изначально был предложен немецким цивилистом Дербургом).

Диссертант высказывает предположение, что формирование подхода отечественной доктрины к понятию фидуциарных сделок, как сделок, основанных на особом доверии между сторонами, к которым в первую очередь относится договор поручения, связано именно с тем, что отечественные исследователи, изучив труды о фидуциарных сделках таких известных цивилистов, как В.А. Рясенцев, О.С. Иоффе, Н.М. Гамбаров, Е.А. Флейшиц, вычленили элементы, которые вписывались в действующую правовую систему, отбросив конститутивные признаки, свойственные германскому правопорядку. Эти элементы и составили основу теории фидуциарных сделок в российском гражданском праве. Из-за этого теория фидуциарных сделок потеряла ключевой признак несоответствия внешней формы правоотношения и его внутреннего содержания, сохранив характер доверительности отношений между фидуциантом и фидуциарием.

Диссертантом указывается, что в российской юридической науке отсутствует консенсус относительно того, какие конкретно юридические конструкции входят в группу фидуциарных, несмотря на то что большинство исследователей использует один и тот же критерий классификации – лично-доверительный характер отношений сторон. Проблема отсутствия консенсуса видится в том, что критерий личной доверительности не отвечает признакам объективности, в связи с чем интерпретируется многими правоведами по-разному.

Автор предполагает, что данная проблематика может быть решена путем введения формального критерия, который позволит более четко отграничить фидуциарные сделки от остальных. В качестве такого критерия предлагается несовпадение внешней формы правоотношения и его внутреннего

экономического содержания, в рамках которого происходит передача от фидуцианта соответствующего субъективного гражданского права на соответствующее благо в пользу фидуциария (или же создается видимость такой передачи для третьих лиц).

В третьем параграфе **«Проблематика отдельных фидуциарных обеспечительных сделок в современной России»** анализируется догматика некоторых фидуциарных юридических конструкций, предполагающих обеспечительную передачу субъективного гражданского права, а также их позитивно-правовое регулирование, делаются выводы о необходимости задать однородное правовое регулирование для таких фидуциарных обеспечительных сделок.

Диссертант отмечает, что можно провести некоторые параллели между отечественным правом и опытом испанских и итальянских коллег. Отечественные дореволюционные цивилисты также изучали наработки пандектистов и стремились адаптировать их идеи относительно фидуциарных сделок в российском правовом порядке. Смена политического строя в нашей стране в начале XX века напрямую повлияла на остановку теоретического осмысления данных обеспечительных конструкций и сделала невозможным применение их на практике. Отвержение идей частного права на протяжении более чем 70 лет, безусловно, имеет прямое отношение к тому, что отечественная доктрина в настоящий момент не сформулировала собственного подхода к пониманию таких юридических механизмов, практика применения отдельных обеспечительных способов передачи субъективного права достаточно скудна, а концепты немецких исследователей, отраженные в идеях дореволюционных отечественных юристов, забыты. Возобновление исследований российскими исследователями данной тематики произошло лишь в конце 90-х годов и продолжается по сей день. Несмотря на такой достаточно большой временной разрыв в изучении рассматриваемых обеспечительных конструкций, общим как для России, так и для Италии и Испании является отсутствие объективных причин для введения в

гражданский оборот данных способов обеспечения, в связи с чем в России, как и в Испании, мы не наблюдаем единообразия в судебной практике, в отличие от Германии. При этом также следует отметить, что обеспечительная передача права собственности является актуальной в современной российской юридической науке и исследуется современными цивилистами. Однако в существующих трудах отсутствует глубокий и всеобъемлющий системный анализ учений о содержании подобных обеспечительных конструкций, предложенных зарубежной цивилистикой. Это свидетельствует о том, что поднятая тема до сих пор не получила должного внимания со стороны российской юридической науки.

Автор обращает внимание, что отдельные юридические конструкции, предполагающие обеспечительную передачу субъективного гражданского права, входящие в категорию фидуциарных сделок, такие, как сделки РЕПО, возвратный лизинг, обеспечительный факторинг, находят свое закрепление как в нормах ГК РФ, так и в иных федеральных законах. Обеспечительная купля-продажа, также входящая в группу рассматриваемых обеспечительных способов, в отличие от механизмов, перечисленных выше, своего нормативного закрепления не имеет, а правоприменительная практика не характеризуется однообразностью.

Правомерность использования обеспечительной передачи субъективного гражданского права и наличие регулирования таких механизмов, отличного от залога, являются дискуссионными в современной науке.

Несмотря на достаточно большое количество судебных разбирательств, предметом которых являются споры, связанные с заключением сделок РЕПО, российский правоприменитель все еще не рассмотрел данную договорную конструкцию с точки зрения ее догматики, ограничиваясь лишь формальным применением норм ГК РФ и Федерального закона «О рынке ценных бумаг», что могло бы коренным образом поменять исход многих споров, возникающих у субъектов соответствующих правоотношений.

На сегодняшний день подход к правовому регулированию лизинговых отношений учитывает обеспечительный характер таких сделок при их досрочном расторжении, а также при банкротстве любой из сторон, что нельзя сказать об иных сделках обеспечительной передачи права. Возвратный лизинг представляет из себя фидуциарную сделку: должник, желая получить финансирование, переносит в пользу кредитора право собственности на определенную вещь, а последний, после исполнения должником своего обязательства, обязуется вернуть соответствующее право обратно. В рамках данного правоотношения четко видно, что должник передает кредитору больше прав, нежели это необходимо для преследуемой сторонами цели – обеспечение возврата долга. Данная цель могла бы быть достигнута путем использования залоговой конструкции, но стороны сознательно избрали именно такой механизм. В рамках возвратного лизинга мы также можем обнаружить внутреннее и внешнее правоотношение. Во внешнем правоотношении фидуциарий (кредитор) становится легитимным собственником вещи фидуцианта (должника), во внутреннем правоотношении такое право на вещь передается с обеспечительной целью и не должно использоваться фидуциарием (кредитором) для других целей. Учитывая особенности правоотношений сторон указанной сделки, отечественный законодатель, как уже говорилось выше, предусмотрел особый режим правового регулирования правоотношений, вытекающих из лизинга (в т.ч. при банкротстве), учитывающий сущность такой сделки, отличной от залога.

При банкротстве фидуциария предмет лизинга будет включен в конкурсную массу на общих основаниях, однако право на предмет лизинга будет реализовываться совместно с обременением в виде обязательств, вытекающих из соответствующего договора лизинга. В случае банкротства фидуцианта и невнесении последним платежей по лизинговому договору, предмет лизинга не будет включен в конкурсную массу, а будет изъят лизингодателем (при определении сальдо взаимных предоставлений).

Представляется, что модель регулирования, применяемая к лизинговым правоотношениям, носящим обеспечительный характер, максимально соблюдает интересы сторон правоотношения, учитывает сущность такой сделки. Автор предполагает, что данную модель регулирования можно взять за основу для регулирования иных фидуциарных обеспечительных сделок.

Рассматриваемое регулирование по мнению диссертанта могло бы быть представлено в следующем виде. При применении сторонами обеспечительной купли-продажи или сделки РЕПО и последующем банкротстве кредитора, предоставившего заемные денежные средства, предмет обеспечения, находящийся в его имущественной массе, будет реализован вместе с правами должника, вытекающими из соответствующего обеспечительного договора, которыми такой предмет обременен. При банкротстве должника, который предоставил кредитору свою вещь или бездокументарные ценные бумаги для обеспечения возврата заемных денежных средств, кредитор сможет расторгнуть данный договор (и требовать передачи ему предмета такого договора в случае, если он находится во владении банкрота), однако, необходимо будет произвести расчет сальдо взаимных предоставлений. В рамках сделок обеспечительного факторинга при банкротстве цессионария также необходимо учитывать обеспечительный характер уступки. Следовательно, при банкротстве цессионария уступленное требование по обеспечительному факторингу должно признаваться обремененным и должно реализовываться совместно с правами cedenta, вытекающими из такого обеспечительного договора.

В целях установления правовой определенности и упорядочивания правоотношений участников гражданского оборота, представляется необходимым издание Верховным Судом РФ соответствующего Постановления Пленума, которое было бы посвящено сущности конструкций обеспечительной передачи субъективного права, в т.ч. обеспечительной купле-продажи, договору РЕПО, обеспечительному факторингу, с указанием на то, что к таким правоотношениям следует применять общие положения

гражданского законодательства, регулирующие способы обеспечения исполнения обязательств (ст. 328 ГК РФ). При этом вопросы возврата излишка фидуцианту, перехода прав обратно к фидуцианту, уступки обеспеченного требования, обращения взыскания на предмет обеспечения как кредиторами фидуцианта, так и фидуциария, способа удовлетворения фидуциария за счет стоимости предмета обеспечения, а также вопросы, связанные с банкротством фидуцианта и фидуциария, должны регулироваться схожим образом, учитывая их принадлежность к группе фидуциарных обеспечительных сделок. Для обозначенных аспектов могут быть использованы общие начала регулирования возвратного лизинга, с учетом особенностей каждой обеспечительной конструкции.

В **Заключении** кратко подводятся основные итоги проведенного исследования.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки»:

1. Зорин В.С. Понятие и правовая природа титульного обеспечения. Законодательство. 2022. № 10. С. 13–18. 0.52 п.л. (двухлетний импакт-фактор журнала по РИНЦ 0,186).
2. Зорин В.С. Генезис, становление и развитие фидуциарных обеспечительных сделок в испанском праве. Закон. 2024 № 4. С. 185–195. 1.16 п.л. (двухлетний импакт-фактор журнала по РИНЦ 1,438).
3. Зорин В.С. Понятие и содержание фидуциарных правоотношений. Вестник гражданского права. 2024. № 2. С. 220–241. 1.79 п.л. (двухлетний импакт-фактор журнала по РИНЦ 1,444).
4. Зорин В.С. *Tabula Vaetica* как источник обеспечительной *fiducia*. Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2024. № 3. С. 40–53. 0.96 п.л. (двухлетний импакт-фактор журнала по РИНЦ 0,526).